

ЭрOLOG

Я опаздываю. И знаю это.

Земля будто летит под ногами. Я почти не касаюсь ее, даже не замечая своих шагов. *Вперед* — это все, о чем я могу думать. *Вперед*. Ноги несут меня быстро, но этого недостаточно.

Вернись, проносится в моей голове, *ты не хочешь этого видеть*.

Но я должна. У меня нет выбора.

Такова любовь. Она притягивает, она связывает меня, и я не могу не мчаться навстречу ужасу. Я знаю, что меня ждет, и все же не могу перестать надеяться.

Пожалуйста, пожалуйста, пощади ее!

Я стискиваю зубы, сдерживаю сдавленный крик. Вот только слезы я никак не могу остановить.

Ты хотела любить. А любить — значит страдать. Неужели ты так до сих пор и не поняла этого?

Нет! Я закрываю глаза и позволяю ногам нести меня по лугам. И все, что я вижу — это ее лицо, и она горит во мне. Все горит. Только не она!

Она — человек. Ничтожный.

Она — это все.

Королева во мне смеется, но ее смех едва слышен, и я чувствую, что она тоже страдает.

Любовь, с издевкой произносит она, а потом замолкает. Потому что я стою на склоне холма и смотрю вниз, на долину. Я смотрю на смерть.

Я потеряла ее.

Розовая клумба

Давным-давно... Так начинаются многие сказки. Так начиналась и моя жизнь. Она действительно могла бы стать сказкой, но это было очень, очень давно. Настолько давно, что те годы превратились в пыль, в осколки самозабвенного времени. Теперь я уже и не вспомню, когда началось мое первое *давным-давно*.

Я дышу. Я живу. Во второй раз.

Задыхаясь, я пытаюсь наполнить легкие сладким воздухом с привкусом обреченности, пока мое сердце бешено колотится с яростной, вновь пробудившейся энергией, и чувствую, что все изменилось, но никак не пойму, что именно. Мои губы вспухли, на них ощущается легкое покалывание, будто бы после нежного поцелуя. Я цепляюсь руками за жесткие про-

стыни, чувствуя, как грубая ткань под моими пальцами рассыпается в пыль.

Я распахиваю глаза и по-прежнему ничего не вижу. Но чувствую, что рядом со мной кто-то есть. Я слышу дыхание, слышу, как нервно подрагивают чьи-то ресницы. Я ощущаю запах пота, а с ним — страх, возбуждение и истощение.

Чьи-то руки прикасаются ко мне. Снова что-то рассыпается. С ужасом понимаю, что это что-то — мое платье. Я сжимаю пальцы в кулак, ожидая тепла магии, — но рука остается пустой.

Кровать проседает под тяжестью незнакомца. Я разжимаю руку и снова взываю к своей силе — ничего не происходит. Только пальцы снова и снова касаются меня, разжигая мое замешательство и гнев.

— Проклятье.

Тишина.

А потом:

— О боже, она проснулась!

И снова, громче:

— Она проснулась!

Гулкие шаги. Распахнувшаяся дверь. Свежий воздух.

— Что ты сказал? Проснулась? Ты что там делаешь?

— Я думал, ну лежит она и лежит... Думал, это никому не помешает...

— Ты поцеловал ее?

— Нет... ну, то есть да...

Меч с шипением вырывается из ножен. Я знаю этот звук. Моргаю, борясь со слепящим светом, с ощущением бессилия. Медленно, очень медленно мое тело начинает обретать силу. Спала я, должно быть, долго. Даже слишком. И здесь что-то не так. Совсем не так.

— Почему она голая?

— Я... ну, я... я просто...

— Что ты сделал?

— Клянусь проклятием ледяной ведьмы! Я только хотел разок прикоснуться к ней. Но платье... это платье... оно просто рассыпалось!!! — Его слова режут мне слух так, что болят уши.

— Ты разбудил Спящую. Я же велел не трогать ее!

— Я думал... то есть...

— Как долго? — прерываю я спор. Мой голос нежен, словно голос новорожденного эль-

фа, и совсем не похож на голос дряхлой старухи, которой я так боюсь оказаться.

— Как долго? — повторяю я свой вопрос и наконец начинаю различать тени. Расплывчатые очертания четырех-пяти фигур. *Люди*. То, что вокруг все еще есть люди — это хороший знак. Значит, мир еще не перевернулся с ног на голову.

— Как долго что? — спрашивает мужчина с невыносимым голосом. Светлые волосы, светлая кожа.

— Как долго я спала? — спрашиваю я.

Молчание.

И пока это молчание продолжается, я вспоминаю последние мгновения перед тем, как магия возымела свое действие.

И тогда я постигаю ужасную истину: они обманули меня!

Холодная, как лед, ненависть разгорается во мне, обжигая вены. Я поднимаю руку и поворачиваю ладонь. Отметина на запястье черна, как никогда.

Лживый символ!

— Она — ведьма, — бурчит второй. Блондин взвизгивает и пятится. Вновь слышится шипение мечей. Одно из лезвий касается моей шеи:

холодное и острое. Наконец мое зрение проясняется, я избавляюсь от мыслей о прошлом. Я перевожу взгляд со смертоносной стали, что покоится у моей шеи, в черные глаза темноволосого мужчины.

— Наша Спящая Красавица — ведьма, — бормочет он, приподнимая мой подбородок острием своего меча.

Мужчин в комнате пятеро. Трое из них кажутся солдатами королевства, герб которого мне неизвестен: золотая змея извивается на голубом фоне. Блондин — дворянин, возможно, принц. Если, конечно, принцы и королевства еще существуют.

Однако пятый — и последний из мужчин — для меня загадка. Он другой — и даже пахнет иначе.

— Что вы такое? — спрашиваю я.

Он склоняет голову, будто удивляясь. А глаза сужаются.

— Быть не может. Ведьма? — гнусаво тянет блондин, выглядывая из-за спин перепуганных солдат. Его глаза слезятся. В них — ни блеска, ни даже намека на глубину.

— На ней — клеймо, — отвечает темноволосый.

— Но она не похожа на ведьму! — упорно настаивает принц. — Ну, то есть она ведь такая очаровательная. Прекрасная, милая, идеальная!

— Ледяная ведьма тоже красива, — шепчет один из солдат.

— И Отравительница, — вставляет второй.

— Это знак тринадцати ведьм, — темноволосый мужчина внимательно рассматривает меня. — Но до сих пор их было всего двенадцать.

Двенадцать. Значит, они живы.

— Тринадцать, и так было всегда, — говорю я тихо, игнорируя торопливые молитвы остальных четверых мужчин, произносимые заикающимся шепотом. Мне не нужно на них смотреть, чтобы воспринимать это. Я слышу, как тревожно их сердца трепещут от страха, как прерывисто шипят легкие, наполняя тела кислородом. Все это смутно доходит до моего сознания. Никакой магии, восприятие ослабло. Годы берут свое.

— Кто разрушил проклятие? — спрашиваю я, чувствуя, как мое собственное сердце начинает биться. Юноша рядом со мной приподнимает бровь. Его короткие волосы отливают

черным: они похожи на ночное небо. Может, он?..

Юноша впивается в меня взглядом. Его взгляд ищет ответ. Но, кажется, не находит.

— Наш принц, — отвечает он.

Медленно, очень медленно до меня доходит смысл его слов. Белокурый принц — вот кто поцеловал меня! Мой взгляд блуждает по сторонам, находит его. Он — бледнеет.

— Ты! — шиплю я, испытывая горькое разочарование. Принц трусливо прячется за солдатами и их мечами. Лживость и эгоизм окружают его тлеющим зловонием. И этот человек возродил меня поцелуем? Так это он — мой единственный? Моя настоящая любовь?..

— Я... я думал, что вы — принцесса, — обиженно упрекает он меня.

— И что теперь будет с вашей ведьмой? — спрашивает темноволосый. — Вы разбудили ее — теперь она ваша.

Ведьмой?

Звучит как оскорбление. Обладай я своей потомственной силой, его приговор был бы уже решен: смерть. Будь у меня моя магия, от них бы уже ничего не осталось. Я бы уничто-

жила их всех, излила бы на них всю свою тоску и... свое разочарование.

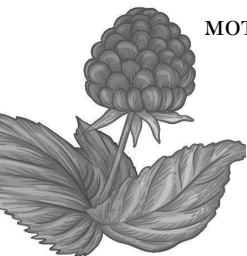
Может, я заслуживаю такого эгоистичного человека, как принц? — внезапно думаю я, чувствуя себя совершенно измученной. Не это ли люди называют совестью? Момент осознания собственных ошибок?

— Охотник на ведьм — вы, а не я, — огрызается принц. — Меня отец послал только доложить о башне. А не за тем, чтобы убивать ведьм, а тем более — приводить их домой.

— Охотник на ведьм? — Я удивленно поднимаю брови и разглядываю юношу. Он выглядит сильным, взгляд настороже. Шрам на полщеки. И даже когда я смотрю на него, уголок его губ насмешливо кривится. Охотники на ведьм! Надо же, в мое время такого не было.

Кажется, он почти не чувствует тяжести арбалета на своем плече, за поясом виднеется пара кинжалов. Меч в руке юноши лежит спокойно: никаких колебаний, как у его солдат. Нет, меня он не боится. Напротив: он убьет меня, не колеблясь ни секунды. И все же не делает этого. Почему?

— Тринадцатая ведьма, — слышу я его бормотание.

Время, прошло так много времени. Отголо-ски заклинаний, которые когда-то окружали это место, до сих пор витают в воздухе. Я слышу, как мои сестры произносят свои заклина-ния, чтобы предать меня, спрятанную посреди леса, вечному сну. Но их проклятия сняты, заклинания, скрывавшие меня от всего мира, улетучились. Они забыли их обновить? Забы-ли... меня?

Эта ошибка дорого им обойдется, потому что теперь я свободна.

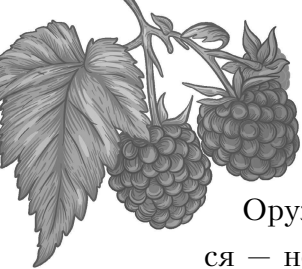
— И что нам с ней делать? — восклицает принц. — Она ведьма, клянусь драконовым огнем! Одна из тринадцати! — Беспомощ-ность на его лице сменяется то страхом, то гневом. — Меня не волнует, о чем там толкует магический закон. Эта ведьма никогда не ста-нет моей настоящей любовью! Зачем я только поцеловал ее!

— Да, зачем? — шиплю я, понимая, что все пошло не так. Я смотрю на принца, избавивше-го меня от чар, и не испытываю ничего, кроме презрения.

Он ахает, и страх вспыхивает в нем, как сверкающий на солнце меч.

— Убейте ее! — визжит он. — Немедленно!

Оружие на моей шее едва заметно дергается — но я все еще дышу, я жива. Охотник на ведьм застыл. Я тут же понимаю, что вопрос жизни и смерти решает не принц, а он. Но я слишком долго находилась у власти, чтобы теперь подчиниться. Я не буду ни перед кем пресмыкаться!

Я быстро осмысливаю ситуацию. Башня, башню я помню точно. Я нахожусь в башне. В своей собственной воздушной могиле: некогда шелковые занавески ныне обшарпанной кровати с балдахином, разбитые оконные стекла, вьющиеся розы с их невыносимым ароматом, наводящим на мысли о разлагающихся телах.

За спиной принца — словно мрачное предзнаменование — зияет дверь. По лестнице — и вниз, на свободу, вниз, в Лес Призраков — или как он там сейчас называется.

Одним очень ловким и точным движением я отбрасываю от себя меч охотника на ведьм и проскальзываю мимо него. Рот принца разевается в беззвучном крике. Солдаты бросаются врассыпную. Упавший меч звенит на холодных каменных плитах. Я уже у двери, когда меня настигает удар в бок. Я быстра почти так же,

как была когда-то, но охотнику на ведьм удастся схватить меня за косу. Он резко дергает за нее, и я приземляюсь спиной прямо на холодную плитку. От удара перехватывает дыхание. Охотник на ведьм тянет меня назад. Я извиваюсь, хочу ударить его ногой. Но он уворачивается, и его кулак касается моего виска. Боль взрывается в моей голове, перед глазами пляшут черные точки, и мое сопротивление гаснет.

Он ударил меня.

Человек.

Меня!

— Что ты такое? — рычит охотник на ведьм, поднимает меня и прижимает к стене. У меня перехватывает дыхание. *Его запах. Мне нравится, как он пахнет.* Не в силах освободиться, я смотрю в его мрачное лицо. Он не просто силен. Он быстр. Гораздо быстрее, чем ожидалось. Да, мир изменился. Люди уже не те жертвы, какими были когда-то.

— Охотник на ведьм, — с усмешкой шепчу я. Его глаза светятся. Я знаю этот взгляд. Должно быть, я красива, столь же красива, как и в первой своей жизни, так красива, что даже ему трудно противостоять моим чарам. Кожа

белая, как снег, волосы черные, как эбеновое дерево, а губы красные, как кровь.

Идеальные люди — дети-феи — сегодняшние ведьмы.

— Ты носишь знак, — говорит он, касаясь пальцами черного пятна на моем запястье. — Но у тебя нет силы. Ты не такая, как они. Кто же ты?

Я сжимаю руку, разжимаю пальцы, один за другим. Я зову ее, всеми фибрами души. Я призываю свою магию.

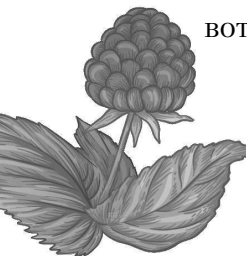
Охотник на ведьм напрягает свои мышцы. Острое лезвие кинжала прижимается к пульсирующей жилке на моей шее.

— Какая-то странная ты ведьма, — бормочет он, когда ничего не происходит.

— Ведьмы, — шиплю я, с трудом подавляя слезы. — Раньше нас называли феями.

— Называй себя как хочешь. — Кинжал вонзается в кожу.

Я почти не чувствую боли. Боль всегда была частью моей жизни, поэтому я не знаю, каково это — без нее. Только запах крови глубоко проникает в мое сознание, и я понимаю, что он вот-вот решится на мою смерть.

— Ты охотишься за нами, феями? — задыхаясь, шепчу я. Я не должна сомневаться, не должна поддаваться незнакомому страху, который растет в моем животе и грозит парализовать конечности. Моя сила вернется, а вместе с ней — и моя магия. — Не убивай ту единственную, которая может помочь тебе их найти.

Рот охотника на ведьм кривится в насмешливой усмешке, но клинок замирает. Он слушает.

— С чего ты взяла, что мне нужна твоя помощь?

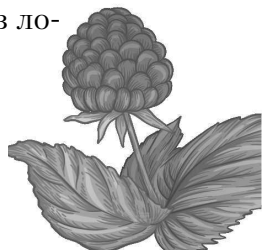
— А разве нет? — парирую я.

Его темный взгляд перемещается с моих губ к горлу.

— Нет. — Но при этом мужчина колеблется.

— Уверен? — спрашиваю я, пытаюсь не обращать внимания на равномерное биение его сердца. Он меня не боится. Магия питается страхом. Кто он такой? — Я могу оказаться полезной, — выдавливаю я из себя. — Я знаю о них такое, чего не знает никто другой. Их слабые места, их прошлое.

— Заканчивай, охотник на ведьм, — нетерпеливо призывает принц. Теперь, когда я в ло-

вухке, он осмеливается выступать. Охотник на ведьм молчит, задумчиво разглядывая меня. — Не слушайте ее слов. Она — чертова проклятая ведьма. А, да знаете что? Забирайте ее себе. Я отдаю ее вам за то, что вы провели нас через живую изгородь. Считайте это своей наградой. — И добавляет, обращаясь к солдатам: — Если поторопимся, то успеем выбраться из этого проклятого леса до восхода солнца. Отец будет рад услышать о башне и тайне, которую она скрывала. Ведьма, одна из Тринадцати — теперь он должен назначить меня своим наследником! — Он хлопает в ладоши. — Вперед, вперед! По коням!

Солдаты несутся к лестнице. Стараются покинуть мою затхлую могилу как можно скорее. Их шаги эхом отражаются от стен. Принц подходит к двери последним. Его взгляд падает на мои губы, рот кривится, будто я ему противна, но я вижу его похоть. Страх и желание — опасная смесь.

— Поторопитесь, если хотите поехать с нами: мы не будем ждать! — Он направляется за солдатами. И принц, разбудивший меня, бесследно исчезает из моей жизни.

Мы одни. Я и человек, который охотится за моими сестрами. Я смотрю в его глаза и с удивлением понимаю, что они не черные, а зеленые, как густые хвойные леса.

— Что я только тут с тобой делаю? — бормочет он.

— А что бы ты хотел со мной сделать? — шепчу я в ответ.

Это — приглашение, обещание. Самая простая и древняя ловушка в мире, но такая эффективная.

Мужчина замолкает, его глаза расширяются, а потом охотник на ведьм оглушительно хохочет.

— Да уж, положение у тебя незавидное. — Он медленно приближается, не сводя взгляда с моих губ, а потом смотрит на меня своими таинственными глазами. Мое сердцебиение учащается, дыхание прерывается. *Что со мной такое?* Я чувствую его дыхание, тепло его кожи и чувствую себя бесконечно уязвимой. — Даже если бы ты была последней женщиной на земле... — грубо шепчет он, хватая мои волосы и откидывая голову назад. — Твои колдовские чары на меня не действуют.

— Не действуют? — сдавленно шепчу я.

— Нет, — просто говорит он. — Я совсем не нахожу тебя привлекательной.

— Ты лжешь.

Он смеется и так же внезапно, как приблизился ко мне, отступает снова, отпуская мои руки. Только косу наматывает себе на руку. Как привязь. Демонстрацию своей силы.

— Ты не такая, как другие, — задумчиво говорит он.

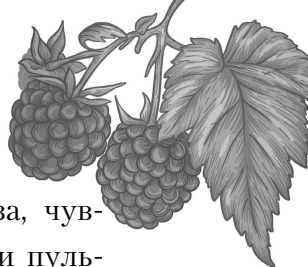
Не такая. Я всегда отличалась. Но о моей тайне не знает никто — никто, кроме моих сестер.

— Ты слаба.

— Я была королевой, — говорю я, поворачивая руки ладонями вверх. На них мягко прорисовываются линии. Они должны быть руками старухи — морщинистой и изможденной. Но нет: они мягкие и сильные — это руки королевы былых времен.

Я поднимаю взгляд. Перед нами возвышается самое мощное зеркало в стране. Мое зеркало. Моя страна. Я прижимаюсь к матовому стеклу, и, словно тронутая крыльями феи, мелкая пыль отступает, открывая мой облик. Прямые, черные как смоль волосы обрамляют бледное лицо, красивее которого нельзя и представить.

Темные ресницы, пронзительные глаза, чувственный рот, такой же красный, как и пульсирующий сок жизни. Это лицо королевы. Красивейшее из красивых. Рядом — охотник на ведьм, враждебный и неукротимый. Он пропускает мою косу сквозь пальцы. Касается ее и почти — но только почти — испытывает искушение почувствовать запах моих волос.

— Одевайся, — резко бросает он, и я знаю, что решение принято. Но это всего лишь отсрочка, немного времени.

— Не знаю, во что, — спокойно говорю я. *Как долго...* спрашиваю я себя. Как долго удерживало меня проклятие? Проклятие смертельного сна.

Охотник на ведьм распахивает шкаф. На один короткий миг десятки платьев вспыхивают всеми цветами радуги. Великолепные драгоценности, вуали, расшитые золотом. Но блеск тускнеет — как по волшебству. И медленно, словно оттягивая момент, они распадаются и с легким шорохом осыпаются на пол. От некогда дорогих одежд не остается ничего, кроме кучки пыли.

— Что это за колдовство? — рычит он, дергая меня за косу.

— Никакого колдовства, — просто объясняю я. — Просто дань времени.

Он фыркает.

— Я не верю ни единому твоему слову. Хочешь ходить голой? Давай, мне наплевать. — Не раздумывая, он устремляется к выходу. Его шаг тверд и решителен. Он не убьет меня, пока нет.

Я слеую за врагом моих сестер вниз по ступенькам. С каждым шагом запах затхлой, воняющей трупами могилы слабеет. Я сбегая из своей тюрьмы. Я готова, более чем готова начать свою вторую жизнь.

Моя месть будет ужасной.

